

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Последний сон старого дуба (Рождественская сказка)

В лесу, на крутом берегу моря, рос старый-старый дуб; ему было ни больше, ни меньше, как триста шестьдесят пять лет, но это, ведь, для дерева всё равно, что для нас, людей столько же суток. Мы бодрствуем днём, а спим и видим сны ночью, дерево же бодрствует три времени года и спит только зимою. Зима – время его сна, ночь, сменяющая длинный день: весну, лето и осень.

В тёплые летние дни около дуба кружились и плясали мухи-подёнки. Каждая жила, порхала и веселилась, а, устав, опускалась в сладкой истоме отдохнуть на один из больших, свежих листьев дуба. И дерево всякий раз говорило крошечному созданию: – Бедняжка! Вся твоя жизнь – один день! Как коротко, как печально твоё существование!

– Печально?! – отвечала муха. – Что ты говоришь? Гляди, как светло, тепло и чудесно! Мне так весело!

– Да, ведь, всего один день, и – конец!

– Конец! – говорила муха. – Кому конец? И тебе разве тоже?

– Нет, я-то проживу, может быть, тысячи твоих дней; мой день равен, ведь, трём четвертям года! Ты даже и представить себе не можешь, как это долго!

– Нет; я и не понимаю тебя вовсе! Ты живёшь тысячи моих дней,

а я живу тысячи мгновений, и каждое несёт мне с собою радость и веселие!.. Ну, а с твоею смертью приходит конец и всему этому великолепию, всему свету?

– Нет! – отвечало дерево. – Свет будет существовать куда дольше, так бесконечно долго, что я и представить себе не могу!

– Ну, так нам с тобою дана одинаково долгая жизнь, только мы считаем по разному!

И муха-подёнка плясала и кружилась в воздухе, радуясь своим нежным, изящным, прозрачно-бархатистым крылышкам, радуясь тёплому воздуху, напоенному ароматом клевера, шиповника, бузины и каприфолий, не говоря уже об аромате дикого ясминника, скороспелок и душистой мяты. Аромат этот был так силён, что муха словно пьянела от него слегка. Что за длинный, чудный был день, полный радости и сладких ощущений! Когда же солнце заходило, мушка чувствовала такую приятную усталость, крылышки отказывались её носить, и она тихо опускалась на мягкую, волнующуюся травку, кивала головкой и сладко засыпала – навеки.

– Бедняжка! – говорил дуб. – Чересчур уж короткая жизнь!

И каждый летний день повторялась та же история: та же пляска, те же речи, вопросы и ответы; одна муха-подёнка жила, радовалась, веселилась и умирала, как другая.

Дерево бодрствовало весеннее утро, летний день и осенний вечер; теперь дело шло к ночи, ко сну, – приближалась зима.

Вот запели бури: «Покойной ночи, покойной ночи! Листья опали, листья опали! Их мы оборвали, их мы оборвали! Усни теперь, усни! Мы убаюкаем тебя, укачаем, потрепем во сне! Старые ветви трещат от удовольствия! Спи же, усни! Скоро настанет твоя триста шестьдесят пятая ночь! Для нас же ты – только годовалый ребёнок! Спи, усни! Облака посыпят тебя снегом, накинут на твои ноги мягкое, тёплое покрывало! Спи, усни!»

И дерево сбросило с себя свою зелёную одежду, собираясь на покой, готовясь уснуть, провести в грёзах всю долгую зиму, видеть во сне картины пережитого, как видят их во сне люди.

И дуб когда-то был крошкой; колыбелью ему служил маленький жёлудь. По человеческому счёту он переживал теперь четвёртое

столетие. Больше, великолепнее его не было дерева во всём лесу! Вершина его высоко возносилась над всеми деревьями и была видна с моря издалека, служила приметой для моряков. А дуб и не знал о том, сколько глаз искало его! В ветвях дуба гнездились лесные голуби, куковала кукушка, а осенью, когда листья его казались выкованными из меди, на ветви присаживались и другие перелётные птицы, отдохнуть перед тем, как пуститься через море. Но вот, настала зима, и дерево стояло без листьев; обнажённые, извилистые, сучковатые ветви резко вырисовывались всеми своими изгибами; вороны и галки садились на них и толковали о тяжёлых временах, о том, как трудно будет зимою добывать прокорм!

В ночь под Рождество дубу приснился самый чудный сон из всех, виденных им в жизни. Послушаем же!

Дерево как будто чувствовало, что время праздничное, слышало звон колоколов, и ему грезился чудный, тёплый, летний день. Оно пышно раскинуло свою зелёную, мощную верхушку; солнечные зайчики бегали между листьями и ветвями; воздух был напоен ароматом трав и цветов; пёстрые бабочки догоняли друг друга; мухи-подёнки плясали, как будто всё только и существовало для их пляски и веселья. Всё, что пережило и видело вокруг себя дерево за всю свою долгую жизнь, проходило теперь перед ним в торжественном шествии. Оно видело, как через лес проезжали верхом благородные рыцари и дамы; на шляпах их развевались перья; у каждого всадника, у каждой всадницы сидел на руке сокол; звучали охотничьи рога, лаяли собаки. Видело дерево и неприятельские войска в блестящих латах и пёстрых одеждах; вооруженные копьями и алебардами воины разбивали и опять снимали палатки; ярко пылали сторожевые огни; воины располагались под деревом на ночлег, пели и отдыхали в тени его ветвей. Видело оно и влюблённых, встречавшихся около него при свете луны и вырезывавших свои инициалы на его серо-зелёной коре. На ветвях его как будто опять висели цитры и эоловы арфы, которые развешивали, бывало, весёлые странствующие подмастерья, и ветер опять играл на них дивные мелодии. Лесные голуби ворковали, точно хотели высказать чувства, волновавшие при этом могучее дерево, а кукушка

куковала, сколько ещё лет оставалось ему жить.

И вот, словно новый, могучий поток жизни заструился по всем, даже мельчайшим корешкам, по всем ветвям и листьям дерева. Оно потянулось и почувствовало всеми своими корешками, что и внизу под землёю струится жизнь и тепло. Оно почувствовало прилив новых сил, чувствовало, что растёт и растёт всё выше и выше. Ствол быстро, безостановочно тянулся ввысь, вершина его становилась всё раскидистее и кудрявее... Вместе с ростом увеличивалась и сладкая тоска, стремление вырасти ещё выше, подняться к самому красному солнышку!

Вершина дуба уже поднялась выше облаков, которые, как стаи перелётных птиц или белых лебедей, неслись внизу.

Дерево видело каждым листком своим, словно в каждом были глаза. Оно видело и звёзды, хотя стоял ясный день. Какие они были большие, блестящие! Каждая светилась точно пара ясных, кротких очей. И дубу вспомнились другие знакомые, милые очи: очи детей и очи влюблённых, встречавшихся под его сенью в ясные лунные ночи.

Дуб переживал чудные, блаженные мгновения! И всё-таки он ощущал какую-то тоску, какую-то неудовлетворенность... Ему недоставало его лесных друзей! Он хотел, чтобы и все другие деревья леса, все кусты, растения и цветы поднялись так же высоко, ощутили бы ту же радость, видели тот же блеск, что и он! Могучий дуб даже и в эти минуты блаженного сна не был вполне счастлив: ему хотелось разделить своё счастье со всеми – и малыми и большими; он желал этого так страстно, так горячо, каждую свою ветвь, каждым листочком, как желают иногда чего-нибудь люди всеми фибрами своей души!

Вершина дуба качалась в порыве тоскливого томления, смотрела вниз, словно ища чего-то, и вдруг, до него явственно донеслось благоухание дикого яминника, потом сильный аромат каприфолий и фиалок; ему показалось даже, что он слышит кукование кукушки!

И вот, сквозь облака проглянули зелёные верхушки леса! Дуб увидал под собою другие деревья; они тоже росли и тянулись к небу; кусты и травы тоже. Некоторые даже вырывали из земли свои корни, чтобы лететь к облакам быстрее. Впереди всех была

берёза; гибкий ствол её, извилистый, как зигзаги молнии, тянулся всё выше и выше, ветви развевались, как зелёные флаги. Вся лесная флора, даже коричневые султаны тростника поднимались к облакам; птицы с песнями летели за нею, а на стебельке травки, развевавшемся по ветру, как длинная зелёная лента, сидел кузнечик и наигрывал крылышком на своей тонкой ножке. Майские жуки гудели, пчёлы жужжали, каждая птичка заливалась песенкой; в небесах всё пело и ликовало!

– А где же красненький водяной цветочек? Пусть и он будет с нами! – сказал дуб. – И голубой колокольчик, и малютка ромашка! – Дуб всех хотел видеть возле себя.

– Мы тут, мы тут! – зазвучало со всех сторон.

– А прошлогодний хорошенький дикий яминник? А чудный ковёр ландышей, что расстилался в лесу три года тому назад? А прелестная дикая яблонька и все другие растения, украшавшие лес в течении этих многих, многих лет? Ах, если бы и они все дожили до этого мгновения, были бы вместе с нами!

– Мы тут, мы тут! – зазвучало в вышине, как будто отвечавшие были уже впереди.

– Как хорошо, как дивно хорошо! – ликовал старый дуб. – Они все тут со мной – и малые и большие! Ни один не забыт! Возможно ли такое блаженство?

– В небесах у Бога всё возможно! – прозвучало в ответ.

И старый дуб, не перестававший расти, почувствовал вдруг, что совсем отделяется от земли.

– Вот это лучше всего! – сказал он. – Теперь я совсем свободен! Все узы порвались! Я могу взлететь к самому источнику света и блеска! И все мои дорогие друзья со мною! И малые, и большие, все!

– Все!

Пока же дуб грезил, над землёй и морем разразилась в святую ночь страшная буря. Мощные волны морские дико бились о берег, дерево трещало, качалось и, наконец, было вырвано с корнями в ту самую минуту, когда ему грезилось, что оно отделяется от земли. Дуб свалился. Триста шестьдесят пять лет минули для него, как день для мухи-подёнки.

На восходе рождественского солнышка буря утихла; слышался

праздничный звон церковных колоколов; из всех труб, даже из трубы беднейшего крестьянина вился синий дымок, словно жертвенный фимиам в праздник друидов. Море успокоилось, и на большом корабле, выдержавшем ночную бурю, взвились флаги.

– А дерева-то нет больше! Ночная буря сокрушила наш могучий дуб, нашу примету на берегу! – сказали моряки. – Кто нам заменит его? Никто!

Вот какую надгробную речь, краткую, но сказанную от чистого сердца, почтили моряки старый дуб, поверженный бурей на снежный ковёр. Донёсся до дерева и старинный псалом, пропетый моряками. Они пели о рождественской радости и спасении людей, и сердца всех возносились вместе с звуками псалма высоко-высоко к небу, как возносился к нему, в своём последнем сне и старый дуб.

Загрузка...